

Белый свет вспыхнул, и тёмно-красный чакра, подобно алой ленте, раскололась на две части. Затем взметнулся мощный, острый поток чакры белого цвета, окутав весь алтарь. — Белая Собака Конохи! Хатаке Сакумо! — раздался голос. Он, сверкнув белой молнией, с молниеносной скоростью коснулся плеч Сенджу и Кушины. Мощные потоки чакры хлынули в их тела, мгновенно пробуждая их от контроля чакры Девятихвостого. — ! — вырвалось из уст Кушины. — Что со мной... — прошептала Сенджу, пытаясь прийти в себя. Цяньцю очнулась и увидела Хатаке Сакумо, стоящего перед огромным, тёмно-красным лисом, который, словно призрак, был составлен из клубов чакры. — ...! — выдохнула Цяньцю, наблюдая за происходящим. Узумаки Мито и Узумаки Кушина образовали канал для передачи чакры, и огромный поток энергии безостановочно перетекал от Мито к Кушине. — Принцесса, в следующий раз, пожалуйста, предупреждайте нас заранее, — с мрачным выражением лица, но без всякого сожаления в голосе, бросил Хатаке Инь Ян. — Хотя, кажется, следующего раза не будет. — Р-р-р! — рыкнул Девятихвостый, состоящий из клубов чакры. — Узумаки Мито!!! — рев зверя пронёсся сквозь воздух. Девятихвостый, повинувшись инстинктам, бросился на Узумаки Мито. Однако Мито даже не взглянула на Хатаке Сакумо, равнодушно игнорируя ярость Девятихвостого. Она лишь продолжала безостановочно передавать его чакру. Её лицо, как будто под действием быстротечной болезни, стремительно старело. Жизненные силы её неумолимо угасали. — Мито! — закричала Цунаде, мгновенно бросившись к ней. Но, проверив состояние Узумаки Мито, она замерла, словно окаменев. Ещё пять лет назад тело Мито было изношено, и её жизненный цикл подходил к концу. Все эти годы она держалась лишь за счёт жизненной силы Девятихвостого. Девятихвостый же с такой свирепостью мстил Мито за то, что она, используя секретную технику Страны Водоворота, украла у него пять лет жизни, чтобы продлить себе дни. Пять лет назад Коноха держалась только благодаря силам Сарутоби Хирузена. Но, с появлением таких могущественных шиноби, как Белая Собака Конохи и Коноха Саннин, Мито решила отпустить свой жизненный узел. — Бабушка! — слезы Цунаде лились градом. Она, обычно строгая и непреклонная, нарушила правила жизни и смерти ради Конохи, забирая у Девятихвостого пять лет жизни, чтобы защитить Коноху ещё пять лет... — Плачешь... зачем ты плачешь... — волосы Мито поседели, и едва ли она могла поддерживать королевское достоинство. — Я... разве... не сказала... тебе... — Вы... должны... были... — Хорошо... хорошо... я знаю... — Цунаде плотно прижала руку ко рту, но ее слезы продолжали литься. Мито умирала, шаг за шагом приближаясь к последней черте. Кушина, осознавая происходящее, была бессильна, и ей оставалось только готовиться к принятию печати Девятихвостого. — Хоть на немного... бабушка... останься со мной... — выкрикнула Цунаде, захлебываясь слезами. Руки Мито безвольно опустились. Девятихвостый с яростью ревел, пытаясь прорваться сквозь защитный барьер, созданный Хатаке Сакумо. — У тебя... должна... быть... своя... гордость... — еле слышно произнесла Мито. Её веки почти сомкнулись, но в эту секунду с небес спустился розовый луч света. — Секретная техника! Деление жизни! — раздался голос. В ту же секунду весь алтарь озарился розовым светом. Мито резко распахнула глаза. Её старое тело вернулось к молодости: седые волосы стали черными, кожа гладкой, и перед всеми вновь предстала гордая принцесса. — Чёрт! Сенджу Хаширама!? — прорычал Девятихвостый, ощутив розовую энергию. — Ты не Сенджу Хаширама! Кто ты?! — зарычал он, осознав свою ошибку. — Заткнись! Четыре Храмовые Печати! Запечатаяй его! — прокричала Мито, полная жизненной силы. Чакра Девятихвостого молниеносно устремилась в её тело. — Нет... кто ты... кто ты!!! — закричал Девятихвостый, извиваясь в воздухе, но всё же был запечатан, окончательно лишившись своей жизни. — Вот так... — прошептала Цяньцю. — Вы же... не могли... долго... продержаться... — Вот почему... вы... сказали... мне... те... слова. В тот момент... вы... уже... были... готовы... пожертвовать... собой... Цяньцю не обращала внимания на Девятихвостого. Она сложила руки, на глазах блеснули слезы, и с улыбкой посмотрела на Мито. — Принцесса, пожалуйста, сохраните эту красоту навсегда в этом мире. Это все, что я могу сделать для вас, Мито-сама... Услышав слова Цяньцю, Мито расцвела улыбкой. Эта улыбка была неземной красоты. Она поняла и приняла доброту Цяньцю. — Я — представительница королевской семьи

Страны Водоворота, Узумаки Мито! — Жена Бога мира шиноби, Сенджу Хаширамы! — Сегодня... я прощаюсь с миром... самым прекрасным образом! Розовый свет медленно опадал, словно лепестки сакуры, и самая прекрасная принцесса Страны Водоворота нежно танцевала под дождем из лепестков. Время, казалось, вернулось назад, к тому дню, когда принцесса и божественный человек встретились взглядами. Пятнадцать лет... и вот, она наконец вернулась к нему. Глава 79. Разделение жизни и смерти. — Не может... быть... — Она... ушла... — Сарутоби Хирузен сидел в кресле, застыв в немом шоке. Он повернулся к окну, глядя на Коноху. Небо над Конохой было серым. Должен был пройти дождь, но ни капли не упало. Точно так же, как и в душе Сарутоби Хирузена: мрачно, печально, но слез не было. Узумаки Мито должна была уйти из мира шиноби пятнадцать лет назад. Ради Конохи она боролась пятнадцать лет. Жена Бога мира шиноби должна обладать такой силой и мужеством. В сердце Сарутоби Хирузена, кроме восхищения перед этой женой великого шиноби, была лишь глубокая признательность. — Старик, не грусти, — подошел к окну Джирайя и сказал Сарутоби Хирузену. — Она просто ушла туда, где ей положено быть. Несколько дней он не видел Цунаде и Цяньцю, и очень по ним соскучился. — Да, она просто вернулась туда, где ей место, — кивнул Сарутоби Хирузен, молча доставая трубку. Хотя он и говорил, что бросит курить, но в этот момент, позвольте ему сделать несколько затяжек. Эти две затяжки, обещаю, будут последними! Он сделал глубокую затяжку, и дым, проходя через легкие, вырвался из носа, унося с собой печаль и тоску Сарутоби Хирузена. Мертвые ушли, а живые должны жить дальше. — Как идут дела, связанные с заменой джинчурики? — спросил Сарутоби Хирузен. Джирайя почесал затылок и ответил: — Говорят, все прошло гладко. Узумаки Кушина блестяще справилась с обязанностями джинчурики. Сейчас она с Минато по магазинам ходит. — Хатаке Сакумо уже выдвинулся в сторону линии фронта, а АНБУ разбирают оборудование. Ни один шиноби из других стран не нарушил ход всего процесса. Только вот Цяньцю и Цунаде немного пострадали от выплеснутой чакры Девятихвостого. — Хмм, хорошо, главное, что все в порядке. — Сарутоби Хирузен с удовлетворением покуривал трубку. — Кушина еще ребенок. Пусть пока играет. В крайнем случае, выделим ей еще несколько людей из АНБУ. — Цяньцю и Цунаде, ты сходи к ним, вырази свои соболезнования. Если нужно, я тоже могу помочь им с их проблемами. Сказав это, Сарутоби Хирузен с довольным видом посмотрел на Джирайя. Джирайя, этот парень, голова постоянно в облаках, и любит бродить по свету. В противном случае, лучше бы он стал Хокаге, чтобы не так сильно волноваться. — ...Старик, не переживай так сильно по поводу этой физической проблемы. В принципе, я тоже справлюсь, — Джирайя вытер слюну, потер руки и заявил: — Почему бы тебе не научить меня хитрости... вернее, как... лечить? Видишь, этот парень перенял мои лучшие качества! Сарутоби Хирузен рассмеялся, выругался и пнул Джирайя: — Катись отсюда, поскорее тренируйся, и постарайся как можно скорее перейти на уровень Каге. — Хорошо, — Джирайя схватился за подоконник. Прежде чем перелезть, он замялся и сказал Сарутоби Хирузену: — Хатаке Сакумо говорил, что она ушла, улыбаясь. Благодаря Цяньцю, она умерла, словно юная девушка. — По правилам, ее нужно хоронить через три дня, но я не хочу, чтобы она лежала так долго, пока она еще молода... — ...Сарутоби Хирузен молча закрыл глаза, вспоминая гордую и совершенную принцессу Узумаки Мито из своего детства. Даже если бы её оставили такой, чтобы она отправилась в тот мир, в худшем случае, она бы только напугала Сенджу Хашираму под землей. — Скажи АНБУ, чтобы они подготовили все к завтрашнему дню для похорон Узумаки Мито-сама. Могилу поставь рядом с могилой учителя. — Нам не нужно много людей, нас самих будет достаточно. — Ступай, все уже произошло, зачем нам следовать каким-то правилам?